

ВЕРШИНИН Е. В.

**ИСТОЧНИКИ ПО ИСТОРИИ ОРГАНИЗАЦИИ
ПЕРВОГО ЖЕЛЕЗОДЕЛАТЕЛЬНОГО ПРЕДПРИЯТИЯ
НА УРАЛЕ (XVII в.)**

В специальной литературе неоднократно подчеркивалось, что знаменитая уральская металлургическая промышленность XVIII в. возникла не на пустом месте. При этом указывается, что основу уральской промышленности заложили поиски рудных месторождений и первые попытки организации металлургических предприятий в XVII в. [7, 10; 6. С. 27—42; 4. С. 334—352; 8. С. 212—288]. При всей ценности добытых историками фактов трудно не признать, что результаты развития промышленности (и железоделательной в том числе) в допетровскую эпоху на Урале были более чем скромные. В настоящее время почти невозможно поверить в существование каких-либо неизвестных источников, которые бы принципиально изменили данный вывод. Тем не менее первые попытки заведения казенных и частных металлургических предприятий закономерно вызывают интерес исследователей, и любой новый материал, дополняющий уже известный, представляется ценным. На наш взгляд, в поисках технических и технологических параметров первых «заводов» на Урале исследователи часто упускали из виду один важный аспект темы — социальную организацию производства. Так, в новейшей «Истории Урала с древнейших времен до 1861 г.» (М., 1989) говорится о приписных крестьянах, работавших на Ницынском заводе в середине XVII в. (С. 189). Между тем формирование категории приписного крестьянства является отдельной, еще малоизученной проблемой, для решения которой материалов XVII в. может оказаться недостаточно.

Данная статья посвящена первому, как отмечается в научной литературе, казенному железоделательному заводу на Урале на р. Ница (рубеж 20—30-х гг. XVII в.). Автором предпринята попытка, соединив известные сведения с новым источником, рассмотреть историю организации Ницынского предприятия, особое внимание уделив вопросу обеспечения его рабочей силой. Об этом предприятии известно не так уж много, поэтому

необходимо остановиться на тех источниках, которые были в распоряжении исследователей. Наиболее подробно Ницынский завод описан Д. А. Кашинцевым [6. С. 27—32]. В своем труде он использовал сведения, приведенные в «Пермской старине» А. А. Дмитриевым, который, в свою очередь заимствовал их у П. Н. Буцинского [3. С. 77; 2. С. 50]. Именно последний ввел в научный оборот архивные документы о Ницынском заводе (наши попытки обнаружить эти материалы в фонде Сибирского приказа ЦГАДА не увенчались успехом). К уже известным фактам Д. А. Кашинцев добавил свои личные наблюдения, побывав в 20-е гг. на месте, где в XVII в. находился завод. Он пришел к выводу, что тот представлял собой примитивное предприятие: под одним навесом находилось четыре сыродутные печи, или домницы, рядом располагалась кузница, где кричное железо переделывалось в чистое. До сих пор ничего не известно о времени функционирования предприятия. Д. А. Кашинцев по объему сохранившегося шлака определил период существования завода примерно в 55 лет.

Характеристика Ницынского завода, данная Д. А. Кашинцевым, начала кочевать из одного исследования в другое. Сведения о Ницынском предприятии удалось расширить только дважды. Б. Б. Кафенгауз привел данные о предыстории завода, а именно: об открытии в 1628 г. местным кузнецом железной руды на р. Нице и интересе правительства, проявленном к этому открытию [5. С. 49—50]. Е. И. Заозерская обнаружила в архиве ЛОИИ несколько неизвестных ранее документов [4. С. 337—341]. Особенно ценной представляется отписка тобольского воеводы Ф. А. Телятевского (датируемая примерно началом 1633 г.), в которой обрисованы попытки администрации обеспечить завод рабочей силой в течение двух-трех лет. Е. И. Заозерская детально проанализировала этот документ, хотя, на наш взгляд, не всегда удачно.

Наконец, нами обнаружено описание деятельности Ницынского предприятия в срок не позднее первой половины 1631 г. Оно находится в росписи «прибыльных» дел А. Н. Трубецкого, тобольского воеводы в 1628—1631 гг. [12. Л. 41—44]. Подчеркивая свои заслуги как умелого администратора, Трубецкий представлял организацию Ницынского завода в качестве одного из важных итогов своей прибыльной деятельности.

Использование нами документов, процитированных в монографии Е. И. Заозерской, требует пояснений источниковедческого характера. Дело в том, что сама Е. И. Заозерская не обратила внимание на новые документы к Ницынскому заводу. Последний она рассматривала отдельно, в соответствии с характеристикой Д. А. Кашинцева. Е. И. Заозерская «ввела» в научный оборот существование еще одного железодельного завода на Урале в начале 30-х гг. XVII в. (она назвала его Невьянским). Полагаем, что во всех трех случаях (в исследо-

ваниях П. Н. Буцинского, Е. И. Заозерской и в найденном нами документе) речь идет об одном и том же железодельном предприятии, которое, по показаниям источников, находилось на берегу Ницы в 15 верстах от Невьянского острога. В пользу этого свидетельствуют все интересующие нас источники. Вряд ли случайно в них указана одна и та же предполагаемая норма выделки чистого железа за год (400 пуд.), совпадают и сроки рабочего сезона (с 1 сентября по 9 мая), и количество привлеченных к производству деловых людей (12—13 чел.).

Возражением против отождествления Невьянского предприятия (по Е. И. Заозерской) и «традиционного» Ныцинского завода может служить одно из показаний источника. В росписи дел А. Н. Трубецкого соответствующее место в заведении «железного дела» начинается фразой: «Да в Верхотурском уезде отыскана железная руда в двух местах, и железо с той руды варят» [12. Л. 41]. Эту фразу можно понять как указание на одновременное существование в Верхотурском уезде двух железодельных предприятий и признать правоту Е. И. Заозерской. Однако известно, что в 1626 г. железная руда, помимо Ницы, была найдена на р. Тагил, куда для проверки был отправлен тобольский сын боярский И. Шульгин. Имеются и упоминания о его попытке наладить на Тагиле «железное дело» [10. С. 60]. Можно предположить, что воевода Трубецкой докладывал в Сибирский приказ именно об этих почти одновременных открытиях железной руды — на Нице и на Тагиле.

Таким образом, на наш взгляд, Е. И. Заозерской допущена ошибка, причина которой может быть сравнительно легко объяснена. В документах XVII в. сам железодельный завод не имеет названия, известно только, что он находился в 15 верстах от Невьянского острога*. Е. И. Заозерская, видимо, не очень внимательно отнеслась к карте. Если Невьянский острог стоял на Нейве, то завод находился ниже по течению, но уже на Нице (Нейва после слияния с р. Реж становится Ницей).

Выяснение ошибки, допущенной Е. И. Заозерской, важно для нас по двум причинам. Во-первых, необходимо было доказать существование в Зауралье в начале 30-х гг. XVII в. только одного железодельного завода и ликвидировать возможную путаницу в этом вопросе. Во-вторых, из изложенного ясно, что ценные документы, введенные в научный оборот Е. И. Заозерской, можно с полным правом присоединить к комплексу известных материалов о Ницынском заводе (а с этой точки зрения их пока не рассматривали).

До появления Ницынского предприятия была только одна попытка организовать казенное производство железа к востоку

* Если принять версту в 1480 м, которая употреблялась в Поморье и в XVIII в. в Сибири, то расстояние от Невьянской слободы до завода совпадает с тем, которое указано на карте в исследовании Д. А. Кашинцева.

от Уральского хребта — в середине 20-х гг. в Томске [9]. Условия далекой колонизируемой окраины ставили перед правительственной администрацией проблему снабжения ее железом: для сибирских гарнизонов нужно было оружие, для русских крестьян, поселившихся в Сибири, — орудия труда. Железо, как и хлеб, транспортировалось в Зауралье и Сибирь из Поморья и обходилось казне недешево. Тобольский воевода А. Н. Трубецкой, подчеркивая выгодность заведения «железного дела» на Нице, сообщил, что железо для Сибири покупали в Устье Великом и Соликамское по 60 коп. за пуд, а в Тобольске пуд стоил уже больше рубля [12. Л. 42].

Попытка организовать производство железа в Томске не удалась. Не было хороших рудознатцев, не хватало кузнецов (поэтому специальным указом из Устюжны Железопольской в Томск были переведены два кузнеца с семьями). Воеводская администрация не знала, кого привлечь в качестве рабочей силы. Выяснилось, что найм вольных гулящих людей обходится казне дорого, а вместе с постоянным годовым жалованием кузнецам пуд железа «стал» в 5 руб.

Поэтому в Сибирском приказе отреагировали на открытие железной руды, сделанное кузнецом Невьянского острога Б. Колмогором в 1628 г. Из Москвы последовал указ: железо в Томске больше не варить, а двух железопольских кузнецов, которых было отправили домой, повернули с дороги на Верхотурье для последующей отправки на Нейву. Если указ Сибирского приказа был выполнен, то нам известны имена первых кузнецов, работавших на Ницынском предприятии — Иван Бармин и Вихорко Иванов.

Тобольские власти в 1628 г. отправили в Невьянский острог сына боярского И. Шульгина, который, видимо, считался экспертом по обследованию рудных мест. Летом или осенью этого года ему указали из Тобольска «весь завод завести к зиме готовой». Как происходила организация завода, неизвестно, но в росписи А. Н. Трубецкого сообщается, что первая продукция с него была получена в 1629/30 г. — 63 пуд. чистого железа*. По всей видимости, железопольские кузнецы всё же были при основании завода на Нице. В указе об их отправке туда перед ними ставились задачи не только «руды варить и железо плавить», но и изготовлять пушки и «всякое железное дело делать». Из полученных 63 пуд. сделали 20 затинных пищалей, два якоря, гвозди. Пищали были опробованы в присутствии самого Трубецкого. Таким образом, начало деятельности Ницынского завода можно было считать удачным.

Сведения о работе завода в следующий сезон (1630/31 г.) отсутствуют. Трубецкой уехал из Тобольска в мае 1631 г. Из

* Таким образом, уточняется дата начала действия Ницынского предприятия. В научной литературе его относят к 1631 г.

его росписи следует, что выделку железа на Ницынском заводе планировалось увеличить до 400 пуд. чистого металла в год. К этому времени в деловые люди из крестьян было привлечено 12 чел., которым полагалось жалованье 40 руб. на всех.

О дальнейшем положении дел на заводе можно узнать из отписки очередного тобольского воеводы Ф. А. Телятевского своему верхотурскому коллеге (Е. И. Заозерская, цитировавшая этот документ, верно отметила, что восстановить по нему хронологию событий чрезвычайно трудно). Отписка датируется примерно концом 1632 — началом 1633 г. Из нее ясно, что завод работал с большими перебоями, а годовой выпуск железа в 400 пуд. не осуществлялся. Основной причиной неудовлетворительной работы предприятия явилось упорное нежелание тагильских и невьянских крестьян, из которых набирались деловые люди, быть у «железного дела». Помимо отписки Ф. А. Телятевского из архива ЛОИИ, в нашем распоряжении имеется фрагмент этой же или аналогичной отписки, обнаруженный в фонде Верхотурской приказной избы в ЦГАДА [14. Л. 192—193]. Сведения этих двух документов, систематизированные по хронологическому принципу, образуют следующий перечень событий.

— В ноябре 1631 г. с завода сообщили в Тобольск, что деловые люди «побежали от железного дела... с затворщиком Кибалкой Федоровым да кузнецом с Ивашкой». Вместо них к работе привлекли их поручителей — «отцов и братью». Но последние били челом, что «им быть у железного дела невозможно».

— В декабре 1631 г. на завод были присланы новые работники из крестьян (возможно, поручители за своих сбежавших родственников).

— В марте 1632 г. тагильские крестьяне во главе с К. Еремеевым подали в Тобольск челобитную о том, что их «дети» с завода бежали и чтобы государь пожаловал, «велел их от железного дела переменить, чтобы им от государевой пашни не отбыть».

— В апреле 1632 г. тобольским властям от имени деловых людей из невьянских крестьян (9 чел.) подал челобитную М. Усов. Они просили избавить их от работ на пашне вместе с их отцами или заменить другими крестьянами «меньшей статьи».

— В мае 1632 г. в Тобольске было известно, что «за деловыми людьми» железное дело «стало».

— К августу 1632 г. ситуация не изменилась. Из Тобольска верхотурского воеводу торопили с выбором новых деловых людей. Однако невьянские крестьяне отказались выбирать из своей среды работников на завод и просили оставить в деловых людях прежнюю смену (М. Усова с «товарищи»). Последних такое решение, видимо, не устраивало.

— Осенью 1632 г. с завода бежали 7 чел.

— В ноябре 1632 г. тагильские крестьяне выбрали «вместо

прежних деловых беглых людей 4-х человек Гришку Соколова с товарищи».

Таковы отрывочные факты, имеющиеся в нашем распоряжении, из которых, тем не менее, ясно, что завод в 1630—1632 гг. если и работал, то очень нерегулярно. Для оценки этой ситуации посмотрим, что представляло собой Ницынское предприятие в целом и, главное, каким образом воеводская администрация решала вопрос обеспечения его рабочей силой.

Все известные материалы косвенно указывают, что на Ницынском заводе было 2—3 сыродутные печи, или, по терминологии XVII в., плавильных горна. Для производства 400 пуд. железа за сезон с 1 сентября по 9 мая достаточно было двух печей. При заводе находилась кузница, где кричное железо передельвалось в чистое. Обеспечивали производственный процесс два-три кузнеца (о которых сказано, что они «мехи дули»), затворщик у горнов и 12—13 деловых людей, которые рубили лес, жгли и подвозили уголь. Руководил железным делом присылаемый из Тобольска сын боярский. Е. И. Заозерской данное предприятие отнесено к типу простой кооперации [4. С. 341].

Как видим, основной рабочей силой на заводе являлись так называемые «деловые люди». Откуда они брались? Поскольку прецедентов по организации железоделательных предприятий у воеводской администрации Сибири не было, то ей пришлось самой решать вопрос о форме привлечения работников на завод, экспериментировать. О первых деловых людях на Нице А. Н. Трубецкой ничего не сообщает, кроме того, что это были затворщик Тимошка «с товарищи». Об оплате их труда можно судить по следующим расчетам, приведенным Трубецким. Он писал, что казна затратила в первый сезон существования завода 2 руб. 67 коп. «на уголье, на дрова и на отвозки от той руды», а пуд железа обошелся в 4,25 коп. [12. Л. 41—42]. Последняя цифра была получена очень просто: 2 руб. 67 коп. поделили на 63 пуд.— первую продукцию предприятия. Никаких других расходов казны на организацию «железного дела» тобольский воевода не указывал. Нам остается предположить, что жалованья (в денежной или натуральной форме) первые деловые люди завода вообще не получали, хотя кузнецы были, видимо, в ином положении. Известно, например, что двум железо-польским кузнецам был назначен оклад по 7 руб. в год.

На неполучение рабочими жалованья, как нам кажется, указывают и слова Трубецкого о том, что Тимошка «с товарищи» выполняли разные работы и детали трубки к горнам «без поденного корму».

В предельно кратком отчете Трубецкого можно все же выделить второй этап работы административной мысли над проблемой обеспечения завода рабочей силой. К моменту отъезда Трубецкого из Тобольска в деловые люди были выбраны из крестьянских детей и племянников 12 чел. Хотя очевидно, что

выборы происходили по распоряжению тобольских властей, Трубецкой счел возможным написать, что деловые люди «взялись» выдавать 400 пуд. чистого железа в год «по своей воле». На всех был положен годовой оклад в 40 руб. Трубецкой ожидал прибыли (экономии) для казны с 400 пуд. 360 руб. (очевидно, он исходил из тобольской цены железа по 1 руб. за пуд).

Таким образом, кроме жалованья в 40 руб., администрация не собиралась тратить ни копейки на обеспечение производственного процесса. Ясно, что 40 руб. вряд ли могли обеспечить даже минимум прожиточного уровня работников завода. Администрация Трубецкого и не планировала иметь при заводе постоянных работников. Крестьяне не должны были оставлять своих пашен и промыслов, на завод они привлекались «в недельную пору». Принудительному набору рабочих организаторы «железного дела» пытались придать вид добровольного найма крестьянских отходников. Действительный же найм «вольных охочих людей» оказался для казны, как выяснилось на опыте Томска, слишком дорогим.

Итак, при А. Н. Трубецком обязанность поставлять деловых людей к заводу была возложена на местные крестьянские миры — Тагильскую и Невьянскую волости Верхотурского уезда. При этом воеводская администрация использовала старый принцип мобилизации людских ресурсов из крестьянской среды. Местные власти прежде всего заботились о том, чтобы выполнялась основная феодальная повинность сибирских крестьян — обработка государевой десятинной пашни. Уменьшить количество крестьян-тяглецов воеводы вовсе не собирались. Но в крестьянском дворе, помимо хозяина, несшего тягловые обязательства перед государством, могли находиться его дети, братья, племянники, не обложенные тяглом. Именно их администрация и требовала выбирать в деловые люди, причем они должны были принадлежать к категории крестьян «семьянистых».

Таким образом власти «заботились» о том, чтобы крестьянский двор мог и с уходом одного работника по-прежнему обрабатывать государеву пашню. Однако и при такой «заботе» крестьянский двор оказывался в трудном положении. На практике при обложении десятинной пашней представители администрации стремились учесть «семьянистость» дворохозяев и соответственно увеличить объем десятинной пашни. Отдав сына или племянника в деловые люди, крестьянский двор лишался пары рабочих рук, на которую была рассчитана определенная доля десятинной пашни (и выполнение других повинностей в пользу государства).

Только в этом контексте можно понять челобитную деловых людей (из невянских крестьян), поступившую в апреле 1632 г. в Тобольск. Деловые люди просили снять с них пашню, как с

тагильских, иначе им приходится вместе с отцами делать «изделья всякие».

Побеги заводских работников и жалобы, отраженные в челобитных, заставляли администрацию экспериментировать. Как видно, еще до апрельской челобитной невьянских крестьян из Тобольска предложили альтернативный вариант: выбирать крестьян «меньшей статьи, на которых государева десятинная пашня небольшая», но с условием, что крестьянский мир берет на себя обязанность по ее обработке. Два подхода к вербовке крестьян в деловые люди отчетливо выражены в письменном распоряжении верхотурского воеводы Ф. Бояшева приказчику Тагильской волости. В нем Бояшев указал (осень 1632 г.) вместо беглых выбрать «иных крестьян семьянистых, чтоб государева десятинная пашня не стала, и быть погодно, или (разрядка наша.— Е. В.) меж себя выбрать охочих крестьян, на которых... десятинная пашня небольшая. А государева пашня им с тех крестьян, которым в деловых людях у железного дела быть, снять и разложить по себе, кому та пашня пахать мочно» [14. Л. 192]. Тагильские крестьяне предпочли второй вариант, «сняв миром» пашню с четырех выбранных в деловые люди.

Воеводская администрация постепенно подходила к мысли о поселении рядом с заводом постоянных деловых людей из крестьян. В том же распоряжении Бояшева сказано: «А кого пашенных крестьян меж себя к железному делу выберут и с теми крестьянами меж себя... тагильским пашенным крестьянам крепитца записями, что им у железного дела быти... беспрестанно» [14. Л. 192]. В ответ на челобитную деловых людей из невьянских крестьян пришел указ: заменить их крестьянами «меньшей статьи», а на место последних призвать новых, из «гулящих людей» [4. С. 339]. Здесь впервые говорится о поселении рядом с заводом на постоянное жительство целых семей, чтобы их «пашнями и санными покосы устроить у железнова дела».

Работа на заводе рассматривалась крестьянами, безусловно, как очередная повинность в ряду тех, которые они и ранее исполняли в пользу государства (городовое дело, строительство речных судов, ремонт дорог и т. д.). Но и сами представители воеводской власти, организаторы производства не могли иначе смотреть на труд заводских работников. Для данной эпохи тем более верно наблюдение, сделанное Е. В. Анисимовым для первой четверти XVIII в.: «Труд на заводе не рассматривался петровскими законодателями, жившими в эпоху интенсивного промышленного строительства, как деятельность, которая могла бы позволить занятому ею человеку получить особый статус, особое место в сословной структуре общества, отличное от места крестьянина или посадского» [1].

Феодалный характер данной повинности — работы «у железного дела» — проявляется, как нам кажется, не только в насильственных методах привлечения работников на завод.

Е. И. Заозерская оставила без комментариев одно довольно непонятное место из отписки Ф. А. Телятевского, где говорится о жалованьи деловым людям. В декабре 1631 г. управитель завода сын боярский К. Павлоцкий запрашивал Тобольск об инструкторях (поскольку прибыла новая смена работников). Среди прочего Павлоцкий спрашивал: деловые люди «посланы на то ж государево жалованье, как по прежнему уговору указано, или им какая прибавка с миру указана?» [4. С. 338].

Естественно предположить, что это был уговор между воеводской администрацией и работниками завода. Тогда не совсем понятно, почему крестьянский мир полномочен назначить прибавку к жалованью деловых людей. С нашей точки зрения, верным является следующее объяснение данной ситуации: крестьянский мир, выделивший работников на завод, собирал еще и деньги (или продукты), которые выдавались деловым людям как государево жалованье. Административные органы выступали здесь, возможно, лишь в качестве посредника. Упомянутый же уговор интерпретируется как решение внутри самой крестьянской общины о размерах жалованья. В этом контексте понятно, почему крестьяне, выбранные в деловые люди, должны были «крепитца записью» с другими крестьянами, что «государево жалованье им имать то ж что и прежним деловым людям давано» [14. Л. 192].

Для системы государственного феодализма, знавшей множество натуральных повинностей, это вполне логичная схема. Поскольку «железное дело» как феодальная повинность ложилась на весь крестьянский мир, постольку обеспечивала ее выполнение вся община. В качестве аналогии можно привести столь частые для XVII в. наборы даточных людей в армию из среды черносошных крестьян Поморья, когда, помимо экипировки, крестьяне собирали деньги на жалованье даточным.

Заведение железодельного предприятия на Нице, таким образом, легло дополнительной тяжестью на плечи местного крестьянства, еще довольно многочисленного в данном районе. Как говорилось выше, обязанность поставлять деловых людей затронула сначала «семьянистых» крестьян. Сохранившаяся перепись 1633 г. мужского крестьянского населения Невьянской и Тагильской волостей показывает, что более 50 % дворов имели 1 душу мужского пола, а количество дворов с 3 и более душами мужского пола (м. п.) не превышало 20—25 %. Всего в Невьянской волости насчитывалось 337, в Тагильской — 196 душ м. п. [11. Л. 115—148].

Надо учитывать, что настроения среди невянских и тагильских крестьян в 1632—1633 гг. были беспокойными. Волости были взбудоражены двумя правительственными мероприятиями: принудительным переводом крестьянских семей Верхотурского уезда на постоянное житье в уезды Томского разряда и повышением пашенных окладов, которое проводил тобольский

воевода Ф. А. Телятевский. Архивные документы свидетельствуют, что крестьяне прятали своих взрослых детей по дальним деревням и зайкам, а властям объявляли об их бегстве [11. Л. 32]. Возможно, что прятались не только от «томской посылки», но и от «железного дела». Исполнение одной повинности не спасало от другой. Известен факт, когда несколько деловых людей «были взяты от железного дела в Тунгусы» (т. е. посланы в Енисейский уезд) [14. Л. 193].

В создавшейся ситуации нет ничего удивительного в том, что крестьяне совершали частые побеги от заводских работ. Государственная польза от заведения железодельного предприятия их мало интересовала. Невьянский староста А. Лягалов с тремя выборными даже подали на Верхотурье челобитную, в которой крестьяне просили не только не посылать их к заводу, но и чтобы «впредь железного дела не было». Производство железа, организованное как феодальная повинность государственных крестьян, терпело явную неудачу.

Кризис с рабочей силой заставлял администрацию искать другие формы организации производства. Необходимо было деловых людей «у железного дела укрепить», и административная мысль уже в 1632 г. работала в этом направлении. Сведения, приводимые П. Н. Буцинским, свидетельствуют об отказе властей от описанных методов привлечения работников на завод. Рядом с заводом были поселены (дата П. Н. Буцинским не указана) 16 семейств новоприборных крестьян. Они пользовались освобождением от всяких податей и повинностей, имели свою пашню и получали годовое жалованье в 5 руб. [2. С. 50]. П. Н. Буцинский, а вслед за ним и другие исследователи, утверждали, что таким образом рядом с Ницынским заводом возникла известная позднее Рудная слобода.

К сожалению, архивные свидетельства о Ницынском предприятии исчерпываются 30-ми гг. XVII в. Возможно, что после пожара 1637 г., истребившего завод, он больше не возрождался [4. С. 343]. По крайней мере, молчание документов Сибирского приказа о заводе после 30-х гг. весьма красноречиво.

Тем не менее делать окончательный вывод о ликвидации Ницынского предприятия еще преждевременно. Нам встретились два документальных свидетельства за 1674 г., которые, однако, настолько лаконичны, что их невозможно однозначно прокомментировать. Они содержатся в итоговой записке Сибирского приказа о количестве оброчного хлеба, собранного с крестьян Тобольского разряда:

1. «В Верхотурском уезде по речке Бобровке пашет вновь крестьянин рудного железного дела Матюшка Соколов и двором построился»;

2. «Невьянского выдельного хлеба железного дела с рудных крестьян 55 чети ржи, 68 чети овса» [13. Л. 22, 64].

Судя по количеству выдельного хлеба, число «рудных» кре-

стьян не превышало 15—17 чел. Трудно определить, находились ли они при продолжавшем существовать Ницынском предприятии или же у какого-то иного «железного дела», в данном источнике об этом нет сведений.

Пока что несомненно одно — упорное нежелание крестьян работать на заводе в первые годы его существования. Форма организации труда, базировавшаяся на образцах феодальных повинностей, оказалась неудачной, а о дальнейших поисках администрации в этом направлении нам известно слишком мало, чтобы делать какие-либо выводы.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Анисимов Е. В. Время Петровских реформ. Л., 1989. С. 293—294.
2. Буцинский П. Н. Заселение Сибири и быт ее первых насельников. Харьков, 1889.
3. Дмитриев А. А. Пермская старина. Пермь, 1897. Вып. VII.
4. Заозерская Е. И. У истоков крупного производства в русской промышленности XVI—XVII вв. М., 1970.
5. Кафенгауз Б. Б. История хозяйства Демидовых в XVIII—XIX вв. М.; Л., 1949. Т. 1.
6. Кашинцев Д. А. История металлургии Урала. М.; Л., 1939. Т. 1.
7. Кузин А. А. История открытия рудных месторождений в России. М., 1961.
8. Преображенский А. А. Урал и Западная Сибирь в конце XVI—начале XVIII вв. М., 1972.
9. Сергеев В. И. Железодобывающее производство в Томске и Кузнецке в первой трети XVII в. // Русское население Поморья и Сибири. М., 1973. С. 125—128.
10. Ястребов Е. В. Поиски полезных ископаемых на Урале в XVII в. // Вопросы истории хозяйства и населения России в XVII в. М., 1974.
11. ЦГАДА. Ф. 214. Стб. 34.
12. Там же. Стб. 457.
13. Там же. Стб. 885.
14. Там же. Ф. 1111. Стб. 15.